

УДК 327(470+571)

Постсоветское пространство в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Распад СССР привел к существенным изменениям в международных отношениях. В мире осталась одна сверхдержава – США, а на месте бывшего Советского Союза появилась новая геополитическая реальность – постсоветское пространство. В представленной публикации рассматривается политика Москвы и Вашингтона в отношении новых независимых государств (НИГ) на протяжении последнего десятилетия XX в.

Цель статьи – рассмотреть роль и место постсоветского пространства в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе источников по внешней политике Российской Федерации (РФ), а также исследований российских и западных авторов с использованием общенаучных и специально-исторических методов.

Результаты и их обсуждение. В 1990-е гг. постсоветское пространство стало ареной геополитического соперничества России и США. Это произошло вследствие несовпадения национальных интересов Москвы и Вашингтона в постбиполярном мире. Понадобилось несколько лет, чтобы российское руководство убедилось в нежелании Америки признать РФ равной себе державой. Осознание этого Кремлем привело к усилению по мере своих возможностей российского противодействия американскому проникновению на постсоветское пространство.

Заключение. Следовательно, политика России в отношении постсоветского пространства в 1990-е гг. во многом зависела от взаимоотношений с Соединенными Штатами. По мере отхода Москвы от прозападной ориентации регион становился сферой российско-американского соперничества.

Ключевые слова: Россия, США, постсоветское пространство, НИГ, СНГ, геополитическое соперничество.

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 77–83)

Post-Soviet Space in Russian-American Relations in the 1990-s

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Decomposition of the USSR resulted in considerable changes in international relations. Only one superpower remained in the world – the USA, while a new geopolitical reality, post-Soviet space appeared in place of the USSR. The policy of Moscow and Washington regarding New Independent States (NIS) during the last decade of the XX century is considered in the article.

The purpose of the article is to disclose the role and the place of post-Soviet space in the Russian-American relations in the 1990-s.

Material and methods. The paper is based on sources on the foreign policy of the Russian Federation (RF) as well as researches by Russian and Western authors with the application of general scientific and special historical methods.

Findings and their discussion. In the 1990-s post-Soviet space became the arena of geopolitical competition between Russia and the USA. This happened due to the fact that national interests of Moscow and Washington in the post-bipolar world did not coincide. It took some years for the Russian leadership to understand America's unwillingness to acknowledge RF as an equal power. This understanding by Kremlin resulted in gradual strengthening of Russian opposition to American interference into the post-Soviet space.

Conclusion. Consequently, Russia's policy on the post-Soviet space in the 1990-s to a great extent depended on the relations with the USA. While Moscow was departing from pro-Western orientation the region was becoming the sphere of Russian-American competition.

Key words: Russia, the USA, post-Soviet space, NIS, CIS, geopolitical competition.

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 77–83)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – А.П. Косов

Как известно, распад Советского Союза открыл новую эпоху в международных отношениях. На месте бывшей сверхдержавы появилась новая геополитическая реальность – постсоветское пространство¹. Ранее существовавшие советские республики стали новыми независимыми государствами (ННГ), выбравшими свой собственный путь дальнейшего развития в постбиполярном мире. Одни страны остановились на прозападном векторе, другие – ориентировались на Российскую Федерацию, третьи – стали все чаще посматривать в сторону мира ислама. Результатом явилось геополитическое соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, разных центров силы, в том числе между Россией и Западом, ведомым США.

Цель статьи – рассмотреть роль и место постсоветского пространства в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе документов, мемуаров и исследований российских и западных авторов – И.С. Иванова, А.В. Козырева, В.А. Кременюка, Е.М. Примакова, А.И. Уткина, А.В. Кортунува, С.В. Кортунува, Т.А. Шаклеиной, З. Бжезинского, А. Рара, Дж. Бейкера и др.

Методологическая основа статьи – совокупность научных принципов объективности, историзма, системности и достоверности. В процессе ее написания использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический) методы исследования, а также ретроспективный и нарративный, позволившие проследить развитие российско-западных отношений сквозь призму их геополитического соперничества на постсоветском пространстве.

Результаты и их обсуждение. Безусловно, после распада Советского Союза самым мощным из числа ННГ оказалась Российская Федерация, ставшая правопреемницей исчезнувшего СССР. Новое руководство страны позиционировало себя на международной арене как представителей великой державы, освободившейся от пут коммунизма и выбравшей западные, а значит общечеловеческие, ценности развития. Тогда многим в России казалось, что стоит лишь резко сменить внешнеполитические ориентиры, как большинство проблем начнет решаться само собой. Постсоветское пространство также укладывалось в эту внешнеполитическую схему российского руководства.

¹ Термин «постсоветское пространство» вошел в политический оборот благодаря профессору А.А. Пращаускасу, который впервые употребил его в своей статье «СНГ как постколониальное пространство» в «Независимой газете» [1]. С тех пор прошло двадцать пять лет, однако данное словосочетание по-прежнему активно используется представителями политико-академического сообщества.

В свою очередь Вашингтон, лишившись традиционного соперника в лице Советского Союза, также оказался вынужден выстраивать политику в отношении новой геополитической реальности – постсоветского пространства.

Политика России на постсоветском пространстве в контексте российско-западных отношений. В начале 1990-х гг. в Москве ожидали, что радикальный поворот от конфронтации к сближению с Западом автоматически изменит отношение последнего к Российской Федерации. Оказавшиеся у власти люди, впрочем, как и многие представители политико-академических кругов и общественности, верили, что России удастся выстроить с Западом и особенно с США дружественные отношения в соответствии с предложенной министром иностранных дел А.В. Козыревым концепцией «партнерства» [2]. США рассматривались в качестве «естественного союзника» России, и, действительно, поначалу казалось, что Вашингтон готов поддержать такой подход. В частности, в феврале 1992 г. была подписана Кэмп-Дэвидская декларация, в июне 1992 г. – Хартия российско-американского партнерства и дружбы, в апреле 1993 г. – Ванкуверская декларация. Данные документы провозглашали стратегическое партнерство США и РФ [3, с. 328]. В Кремле Россию по-прежнему считали великой державой. Сам президент Б.Н. Ельцин среди современных ему политических деятелей считал равными себе немногих, в частности таковыми для него были «друг Билл» (Б. Клинтон. – А.К.) и «друг Гельмут» (Г. Коль. – А.К.) [4, с. 339]. Однако уход 26 ноября 1992 г. Г.Э. Бурбулиса с поста госсекретаря РФ, после чего руководство внешнеполитической деятельностью полностью перешло к министру иностранных дел А.В. Козыреву, завершил очень недолгий этап во внешней политике России, когда она еще пыталась «проявить прежний характер». Начался этап в российской внешней политике, который привел, по оценкам ряда экспертов, к утрате Российской Федерацией ее великодержавного статуса [3, с. 326]. Очевидно, что для тогдашних российских дипломатов не существовало разницы между национальными интересами РФ и США [3, с. 322]. Они считали, что после окончания «холодной войны» интересы России и Запада совпадают и являются интересами всего международного сообщества. Либералы заявляли о необходимости сохранить открытость страны западному миру, поскольку это было важно для продолжения рыночных реформ, а также позволило бы Москве сконцентрироваться на постсоветском пространстве, ставшем основной сферой политики РФ в условиях резкого сужения международного влияния страны [3, с. 323].

В начале 1990-х гг. для МИД РФ приоритетом номер один стало атлантическое направление. В первые полтора года после распада СССР сущность внешней политики России заключалась в необратимом уходе от советского прошлого.

По логике тогдашнего российского руководства от отношений с США зависел и процесс «развода» с бывшими советскими республиками [5, с. 19]. В МИД РФ рассчитывали на то, что, если посткоммунистическая Россия диаметрально поменяет свой подход по всем вопросам мировой политики, где СССР противостоял США, то Соединенные Штаты приложат все силы, чтобы обеспечить быструю интеграцию Российской Федерации в западное сообщество [3, с. 328]. А.В. Козырев заявлял, что краеугольным камнем внешней политики России «является реалистичная оценка потенциала страны как великой державы и осознание необходимости ее возрождения после господства имперской и тоталитарной систем» [6, с. 48]. Министр акцентировал внимание на наличии у РФ и США общих демократических убеждений и отмечал, что национальные интересы Москвы и Вашингтона не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в большинстве международных вопросов [7, с. 15]. Исходя из этого, глава внешнеполитического ведомства надеялся на равноправное сотрудничество с Вашингтоном, для достижения которого был готов идти на всевозможные уступки американцам. Так, А.В. Козырев в беседе с экс-президентом США Р. Никсоном изложил свое видение национальных интересов России, от которого бывший глава Белого дома оказался, мягко говоря, в некотором шоке: «... одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [цит. по: 8, с. 192]. Однако такая внешнеполитическая линия А.В. Козырева полностью устраивала политический истеблишмент западных стран, поскольку позволяла Западу шаг за шагом сужать российскую сферу влияния в мире, в том числе и у самых границ Российской Федерации. Поэтому в первой половине 1990-х гг. западные эмиссары неоднократно, по словам пресс-секретаря президента России В.В. Костикова, просили Б.Н. Ельцина не отправлять министра иностранных дел в отставку, как того требовали представители различных политических сил в российском парламенте [4, с. 72]. Тем более что прозападная ориентация главы МИД практически совпадала с позицией главы российского государства [9, с. 56]. В результате А.В. Козырев возглавлял внешнеполитическое ведомство России до 5 января 1996 г., когда кредит доверия к нему президента полностью иссяк, и Б.Н. Ельцин понял, что стране нужен иной министр иностранных дел. Надежды российского руководства на безоблачные отношения с США, которые будут уважать интересы РФ в ее традиционных сферах влияния, не оправдались. Так, российский политолог А.В. Кортунов констатировал: «Складывается впечатление, что в Кремле и в российском

МИДе рассчитывают не просто на понимание, но и на активную поддержку со стороны Белого дома. Логика здесь простая: сохраняя мир и стабильность на просторах Евразии, Россия действует не только в своих интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира. Она превратилась в важнейший форпост Запада, отражающий волны религиозного фундаментализма, национализма и политического экстремизма, поднимающегося на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах бывшего СССР. Следовательно, Запад обязан не только одобрить действия Москвы, но и всячески содействовать им, включая и финансовую помощь. Однако приходится констатировать, что должного понимания и тем более содействия в этом плане Россия со стороны США и других ведущих западных стран пока не встречает» [10, с. 52–53]. Другими словами, в российском руководстве начала 1990-х гг. присутствовали эйфория и завышенные ожидания от сотрудничества с Западом [11]. Правда, академик Г.А. Арбатов в проявлении российско-американских противоречий ничего страшного не видел. В частности, он писал: «Россия остается великой державой, имеющей законные национальные интересы. Хотя с окончанием холодной войны у нас едва ли были какие-либо антагонистические противоречия с США или другими западными странами и наши лидеры все больше говорят о необходимости сотрудничества (что в принципе правильно), наши интересы не всегда будут совпадать. И эта реальность не должна вызывать недовольства. Различия в интересах, даже объективные противоречия – это естественная часть отношений между странами. Даже теми, которые связаны отношениями длительного дружественного сотрудничества» [12, с. 198].

Внешнеполитическая стратегия России в постбиполярном мире нашла свое отражение в «Концепции внешней политики Российской Федерации 1992 г.», утвержденной 23 апреля 1993 г. [13]. Задача «создания пояса добрососедства по периметру российских границ» стояла во внешней политике России на втором месте [14, с. 279]. Однако реально в начале 1990-х гг. постсоветское пространство не являлось сферой российских интересов. В 1992–1993 гг. российское руководство по-настоящему не было озабочено тем, как будут строиться отношения с ННГ [3, с. 330]. Правда, на декларативном уровне, в выступлениях и заявлениях высших должностных лиц РФ нередко обращалось внимание мирового сообщества на заинтересованность Москвы в присутствии на постсоветском пространстве. Так, Кремль пытался заручиться поддержкой своих действий в ННГ со стороны США и ведущих стран Европы. Например, в докладе «Стратегия для России», подготовленном Советом по внешней и оборонной политике летом 1992 г., отмечалось, что только РФ может быть гарантом стабильности на постсоветском пространстве. В документе говорилось о том, что России должна быть оказана активная международная поддерж-

ка для выполнения роли миротворца на постсоветском пространстве [3, с. 331–332]. В феврале 1993 г. Б.Н. Ельцин заявил о том, что жизненно важным интересом России является прекращение всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Поэтому международное сообщество должно предоставить РФ особые полномочия «гаранта мира и стабильности» в регионе. А.В. Козырев даже обратился к ООН и СБСЕ с предложением предоставить России специальные права и полномочия миротворца в ННГ. В январе 1994 г. в выступлении перед послами стран СНГ и Балтии министр сделал специальный акцент на необходимости сохранить присутствие российских военных на постсоветском пространстве. Он заявил, что в случае вывода российских войск из региона образующийся вакуум силы будет немедленно заполнен другими державами, чьи интересы не всегда совпадают с российскими и во многих случаях им противоречат [3, с. 332]. Данное заявление свидетельствовало о том, что в России стали понимать о противоположных интересах РФ и Запада на постсоветском пространстве. Начиная со второй половины 1993 г. Москва активизировала свою политику на постсоветском пространстве, в частности в Закавказье и Средней Азии. С 1994 г. РФ начала отходить от идеи безоговорочного сотрудничества с Западом [6, с. 74]. В 1995 г., когда стали очевидными неприемлемость и невыгодность для Российской Федерации проамериканского курса, в российском политико-академическом сообществе начались самые активные дискуссии относительно внешней политики России [3, с. 319]. При этом национальная самостоятельность таких государств, как Украина, Молдова и Беларусь, в геополитическом пространстве между РФ и ЕС вызвала определенную озабоченность у российских правящих кругов [6, с. 67].

В сентябре 1995 г. указом Б.Н. Ельцина был утвержден «Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», где подтверждался приоритетный характер этого внешнеполитического направления. В нем подчеркивалось, что ситуация на постсоветском пространстве затрагивает жизненные интересы РФ. Доктринальные документы середины 1990-х гг. нацеливали на сохранение региона в качестве сферы особых интересов России и превращение СНГ во влиятельного глобального игрока [15, с. 106–107]. По словам экс-президента Армении Л. Тер-Петросяна, «это должно было случиться, так как рано или поздно Россия должна была осознать свои стратегические интересы в этом регионе» [цит. по: 16, с. 104].

Таким образом, в 1990-е гг. внешняя политика России на постсоветском пространстве являлась производной от российско-западных отношений, в первую очередь от РФ и США. По справедливому мнению экс-министра иностранных дел И.С. Иванова, «в российском общественном мнении приветствовали курс на сближение с бывшими про-

тивниками СССР, ожидая от него реальной отдачи для интересов страны». Исходя из этого, руководством России выдвигались заведомо нереалистические задачи, такие, как установление «союзнических» отношений с Западом, к которым, однако, ни РФ, ни сами западные государства не были готовы, поскольку по-разному понимали их смысл [17, с. 14–15].

Политика США в отношении постсоветского пространства в контексте российско-западных отношений. В начале 1990-х гг. стратегия Запада в отношении ННГ еще не была окончательно сформулирована, и это оставляло у российско-руководства надежды на сотрудничество, на то, что российские интересы на постсоветском пространстве будут учтены [3, с. 320]. Первоначально сумбурные действия руководства ННГ, которые в условиях распада СССР толком не знали, что делать, вызвали у представителей администрации Дж. Буша-старшего шок. В частности, госсекретарь Дж. Бейкер не мог получить вразумительных ответов на волнующие тогда американцев вопросы, особенно относительно контроля над вооруженными силами в разных частях развалившейся страны, у министра иностранных дел РФ А.В. Козырева [18, р. 567–568]. И это, конечно, не могло не вызвать у США опасений. В 1991–1992 гг. американская дипломатия пыталась применить «дифференцированный» подход к ННГ, используя вопрос о признании как средство политического нажима. Однако это делалось непоследовательно, в силу того, что у американцев отсутствовало четкое видение ситуации. Поэтому попытки сыграть на вопросе о дипломатических отношениях оказались малоэффективными [19, с. 18–19]. Первое время после распада Советского Союза Запад был вынужден признать роль РФ на постсоветском пространстве как стабилизирующего фактора и локомотива экономических реформ. В 1992–1993 гг. США и РФ на постсоветском пространстве шли параллельным курсом, «не желая становиться заложниками незрелых политических сил, волею судеб получивших в бывших республиках шанс суверенного волеизъявления» [20, с. 122]. В частности, Вашингтон в своей политике ориентировался на Россию, что объяснялось опасениями американцев по поводу ядерного суверенитета Украины, Казахстана и Беларуси. Исходя из этого, США и Россия проводили в СНГ параллельную сбалансированную политику [3, с. 334–335; 21, с. 70; 22, с. 24]. Не исключено, что до поры до времени Вашингтон воспринимал создание СНГ как форму цивилизованного развода бывших республик СССР [23, с. 195]. Тем более что с учетом слабости российских позиций на постсоветском пространстве СНГ рассматривалось многими в Вашингтоне с большой долей пессимизма [19, с. 33]. В 1992–1993 гг. США избрали позицию невмешательства в действия Москвы в регионе и поддержали ее претензии на «особый» статус [10, с. 53–54]. 1 апреля 1992 г. Дж. Буш-старший объявил о комплексной

программе помощи ННГ [19, с. 109]. Вашингтон предпринял попытку утвердить свое лидерство в международных программах содействия экономическим реформам в России и других государствах СНГ [19, с. 124]. В те годы Вашингтон сделал ставку на то, что Российская Федерация в рамках «стратегического партнерства» с Соединенными Штатами будет «хорошо управляемым локомотивом демократизации и утверждения рыночной экономики на всем постсоветском пространстве». Однако усиление в России антизападных сил привело США к ослаблению внимания к РФ и расширению взаимодействию с другими ННГ. Во время избирательной кампании 1992 г. Б. Клинтон указывал на необходимость осуществления «более сбалансированного» подхода к постсоветскому пространству, ошибочность курса администрации Дж. Буша-старшего на преимущественное развитие отношений с Российской Федерацией и «игнорирование» других ННГ [19, с. 36]. В результате администрация Б. Клинтона стала проводить разную внешнюю политику в отношении России, Украины, Беларуси, Молдовы, государств Средней Азии и Закавказья, стран Балтии [24, с. 113]. К тому же Запад стал игнорировать российский процесс постсоветской интеграции или мешать ему [6, с. 19; 24, с. 114–115].

Здесь сказалось действие двух неблагоприятных для России тенденций. Во-первых, политические элиты ННГ стали искать внешнего опекуна в противовес преобладанию мощи России, а во-вторых, в США на первый план вышли политики, опасющиеся реинтеграции СССР [20, с. 123; 22, с. 24]. Уже с 1992 г. США постепенно стали проводить политику, направленную на увеличение разрыва между Россией и ее соседями. Отдельными кругами в Вашингтоне позиция Соединенных Штатов в отношении РФ была сформулирована следующим образом: не позволить ей возродиться в качестве великой державы в Евразии, проводить на постсоветском пространстве политику, направленную на укрепление независимости ННГ от Российской Федерации, препятствовать созданию каких-либо военных или военно-политических союзов на территории бывшего СССР, а также между РФ и КНР, которые могли бы помешать проведению американской политики в Евразии или представить альтернативу НАТО [3, с. 323]. Особое внимание американцами обращалось на Украину, поскольку она, по мнению многих на Западе, является той недостающей критической массой, которая могла позволить Москве воссоздать новую сверхдержаву [25, с. 61]. Большой интерес Соединенные Штаты проявили на постсоветском пространстве к богатым энергоресурсами регионам [24, с. 117]. Не менее важное место во внешнеполитической стратегии Вашингтона в СНГ заняло содействие становлению демократии и рыночной экономики в ННГ, поскольку американцы руководствовались традиционной логикой «демократии между собой не воюют» [24, с. 119].

Можно отметить, что при этом администрация Б. Клинтона не была заинтересована в ухудшении отношений с Москвой, поскольку основной задачей ее внешнеполитической деятельности было укрепление американского присутствия в мире. Несмотря на признание американцами слабости России, Вашингтон рассматривал ее в качестве политической силы, способной затормозить реализацию американских планов. Поэтому официальная позиция Соединенных Штатов относительно действий РФ на постсоветском пространстве оставалась сбалансированной: «администрация не делала официальных заявлений относительно позиции США по предоставлению “особых прав” России в ближнем зарубежье, но и не заняла непримиримую позицию по этому вопросу» [3, с. 334–335].

К 1994 г. произошел сдвиг в сторону «реальной» политики Вашингтона в отношении РФ и других постсоветских государств. На это повлияло нарастание противоречий между Москвой и Вашингтоном и изменение своей внешней политики Россией и другими независимыми государствами [21, с. 72]. Первыми, кто ощутил всемерную поддержку со стороны Вашингтона на постсоветском пространстве, стали государства Балтии. Они заняли важное место в глобальной стратегии США, направленной на проникновение и закрепление их позиций на постсоветском пространстве. Бесспорно, тесному сближению этих стран с Соединенными Штатами поспособствовали натянутые отношения между Эстонией, Латвией, Литвой и Россией, в которых Америка всецело выступала на стороне прибалтов [26, с. 127].

По мнению С.В. Кортунова, «в своей политике в отношении постсоветских государств США подчас отходят от провозглашенного ими приоритета принципов демократии и уважения прав человека, открыто ставя во главу угла геополитические цели» [27, с. 78]. Б.Н. Ельцин уже не мог не реагировать на гегемонистскую политику США, превращающую Россию в вассала. Вооруженная интервенция Запада в Югославию в 1995 г. завершила период безоблачных отношений между Б.Н. Ельциным и Б. Клинтон [28, с. 492]. В Москве поняли, что нужно кардинально менять линию поведения страны на западном направлении. Это требовало смены прозападного главы МИД РФ А.В. Козырева на жесткого в отстаивании национальных интересов России Е.М. Примакова. На первой пресс-конференции после своего назначения, 12 января 1996 г., Е.М. Примаков заявил о приоритетности отношений России с СНГ в целом и с каждой страной Содружества в частности [8, с. 185]. По его мнению, суверенитет, полученный ННГ, не отрицает необходимости интеграционных процессов на постсоветском пространстве [8, с. 199]. В западных СМИ назначение Е.М. Примакова было воспринято настороженно. Там заговорили об угрозе возврата Российской Федерации к «имперской политике». Как писал в «Нью-Йорк таймс» У. Сафайр: «Неожиданное появление Ев-

гения Примакова в качестве министра иностранных дел России приводит в состояние озноба весь Запад. Выбор Борисом Ельциным этого дружелюбного змея, который возглавлял его шпионское агентство, сигнализирует, что пришел конец мистера Хорошего Парня в российской дипломатии» [цит. по: 8, с. 198].

Разумеется, похолодание в российско-американских отношениях сказалось на политике Москвы и Вашингтона на постсоветском пространстве. В регионе проявились сферы противоположных интересов России и США: российско-украинские отношения, интеграция внутри СНГ, искусственная разделенность российского суперэтноса, ограничение российского доступа к минеральным ресурсам Средней Азии, бассейна Каспийского моря [29, с. 50]. В таких условиях России было необходимо твердо и последовательно отстаивать российские интересы в ближнем зарубежье, но делать это так, чтобы резко не осложнить отношения с Западом [29, с. 51]. Поэтому Москва все еще вела себя довольно осторожно, стараясь не давать повода Западу для обвинения в имперских замашках.

Взятый Западом курс на продвижение НАТО к российским границам, столь явно игнорировавший национальные интересы РФ, стал для Москвы отрезвляющим сигналом [17, с. 15; 22, с. 25]. Будучи министром иностранных дел Е.М. Примаков неоднократно говорил своим американским коллегам, что прием в НАТО бывших советских республик означает для Москвы переход «красной черты» [23, с. 182]. Уже во время первой встречи министра иностранных дел России Е.М. Примакова и госсекретаря США У. Кристофера в феврале 1996 г. глава МИД РФ выразил своему заокеанскому коллеге обеспокоенность американской политикой на постсоветском пространстве. По его словам, Вашингтону следовало правильно понимать сущность интеграционных процессов в регионе, поскольку речи о возрождении СССР не было. У Москвы отсутствуют «имперские амбиции» [8, с. 217–218]. В июне 1996 г. Е.М. Примаков вновь назвал расширение НАТО на восток и препятствие интеграции СНГ двумя главными преградами на пути улучшения отношений с Западом. Глава МИД РФ говорил о «кровном родстве» между ННГ, что в Соединенных Штатах воспринималось как посягательство Москвы на суверенитет бывших советских республик [20, с. 123]. Однако американцы предпочитали руководствоваться своими планами укрепления глобального доминирования и не особо прислушивались к мнению Российской Федерации. В ходе дискуссии о будущем НАТО, взаимоотношениях России и Североатлантического альянса американская внешнеполитическая элита перешла к восприятию постсоветской интеграции как угрозе национальным интересам США [20, с. 123]. Многие в американских политико-академических кругах считали, что США были обязаны оказать необходимую поддержку ННГ, иначе

их жизнеспособность окажется под угрозой, чем может воспользоваться Москва [30, р. 52]. Поэтому где-то в конце 1996-го – начале 1997 г. о «стратегическом партнерстве» между Россией и США окончательно забыли [31, с. 11].

Не имея возможности активного вмешательства во все постсоветское пространство, Вашингтон выделил для себя ключевые страны – Украину, Казахстан, Азербайджан [20, с. 124]. Для России политика США на постсоветском пространстве означала вариант нового санитарного кордона [20, с. 126].

В конце 1990-х гг. российское руководство стало открыто выражать недовольство стремлением западных стран действовать на постсоветском пространстве в ущерб российским интересам, вытеснить Россию либо искусственно ослабить ее позиции [15, с. 111]. По словам тогдашнего госсекретаря М. Олбрайт, задача США – управлять последствиями распада СССР [16, с. 97]. Ключевой точкой в российско-западных отношениях стал 1999 г. Именно тогда в Российской Федерации был сформирован национальный консенсус относительно того, что Запад использовал слабость Москвы в своих интересах [32, с. 58]. Поэтому в интересах Москвы противостоять натиску Запада, дабы не позволить допустить хаотизации постсоветского пространства и России [33, с. 146].

В целом, оказавшись перед фактом распада СССР, Соединенные Штаты достаточно быстро сориентировались в складывающейся на постсоветском пространстве ситуации. В 1990-е гг. Вашингтон шаг за шагом увеличивал свое присутствие в регионе, вытесняя Россию, что привело к нарастанию геополитического соперничества по мере отхода Москвы от прозападной ориентации.

Заключение. Таким образом, политика Российской Федерации в отношении постсоветского пространства в 1990-е гг. во многом зависела от взаимоотношений с США. Москва ожидала, что Россия получит признание в качестве великой державы, а Вашингтон откажется от поддержки любого государства или группы стран в Евразии в качестве противовеса России. Другими словами, США не станут посягать на российское влияние на постсоветском пространстве. Однако постепенно к российскому руководству пришло осознание, что Соединенные Штаты не готовы учитывать интересы Москвы, а постсоветское пространство превращается в сферу геополитического соперничества. Поэтому абсолютно прав немецкий политолог А. Рар в том, что «Запад и Россия после распада СССР прошли сложный путь от любви до ненависти» [6, с. 17].

Работа выполнена в рамках научной темы «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов) по заданию 1.1.04 подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данило-

вич) ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) (договор № 20160455).

Литература

1. Празиускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А. Празиускас // Независимая газета. – 1992. – 7 февр. – № 124(295). – С. 25.
2. Косов, А.П. Российские интерпретации концепции «Партнерства» российско-американских отношений / А.П. Косов // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 27 апр. 2007 г. / Белорус. гос. пед. ун-т имени М. Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2007. – С. 181–183.
3. Шаклеина, Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) / Т.А. Шаклеина. – М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. – 445 с.
4. Костиков, В. Роман с президентом: записки пресс-секретаря / В. Костиков. – М.: Вагриус, 1997. – 351 с.
5. Косолапов, Н. Становление субъекта российской внешней политики / Н. Косолапов // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6, № 1–2. – Зима-весна. – С. 7–30.
6. Рар, А. Россия – Запад. Кто кого? / А. Рар. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 352 с.
7. Козырев, А.В. Стратегия партнерства / А.В. Козырев // Международная жизнь. – 1995. – № 5. – С. 5–15.
8. Примаков, Е.М. Встречи на перекрестках / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2015. – 607 с.
9. Стародубов, В.П. Россия – США. Глобальная зависимость / В.П. Стародубов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 256 с.
10. Кортунов, А.В. США – Россия. К более зрелой фазе отношений / А.В. Кортунов // Международная жизнь. – 1994. – № 11. – С. 45–55.
11. Кортунов, С.В. Кризис партнерства / С.В. Кортунов // Независимая газета. – 1996. – 12 янв. – С. 4.
12. Арбатов, Г.А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи / Г.А. Арбатов // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М.: МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. – Т. III: Исследования. – С. 189–199.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М.: МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. – Т. IV: Документы. – С. 19–50.
14. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В.А. Никонов. – М.: Изд-во «Э», 2015. – 672 с.
15. Иванов, И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны / И.С. Иванов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.
16. Левяш, И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение: в 2 кн. / И.Я. Левяш. – Минск: Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 409 с.
17. Иванов, И.С. Европейский вектор внешней политики современной России / И.С. Иванов. – М.: Изд-во «Э», 2018. – 424 с.
18. Baker, J.A. III. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992 / J.A. Baker III. – New York: G. P. Putman's Sons, 1995. – XVI+687 p.
19. Кортунов, А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США / А.В. Кортунов; Рос. науч. фонд. – М., 1993. – 160 с.
20. Россия и США после «холодной войны» / Ю.П. Давыдов [и др.]; отв. ред.: В.А. Кременюк. – М.: Наука, 1999. – 143 с.
21. Ломагин, Н.А. Новые независимые государства как сфера интересов России и США / Н.А. Ломагин // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5, № 2. – С. 65–85.
22. Уткин, А.И. Россия и США: региональные проблемы / А.И. Уткин // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 17–40.
23. Примаков, Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е.М. Примаков. – М.: ИИК «Рос. газета», 2009. – 239 с.
24. США на рубеже веков / редкол.: С.М. Рогов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2001. – 496 с.
25. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 256 с.
26. Кременюк, В.А. Россия – США: к новой конфронтации? / В.А. Кременюк // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 10. – С. 125–128.
27. Кортунов, С.В. Российско-американское партнерство и вызовы XXI века / С.В. Кортунов // Междунар. жизнь. – 2002. – № 4. – С. 67–86.
28. Согрин, В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В.В. Согрин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. – 592 с.
29. Самуйлов, С.М. Политика США в отношении СНГ / С.М. Самуйлов // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 41–51.
30. Brzezinski, Zb. A Geostategy for Eurasia / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1997. – September/October. – Vol. 76, № 5. – P. 50–64.
31. Кременюк, В.А. Россия – США: первые уроки Балканского кризиса 1999 г. / В.А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 1. – С. 5–15.
32. Казир, Т. Искажение атрибуции и доминирование геополитических представлений в отношениях Европейского союза и России / Т. Казир // Вестн. СПбГУ. – 2015. – Сер. 6. – Вып. 1. – С. 56–64.
33. Делягин, М.Г. После СНГ: одиночество России / М.Г. Делягин // Россия в глобальной политике. – 2005. – Июль-август. – Т. 3, № 4. – С. 142–151.

Поступила в редакцию 18.12.2017 г.